

Бригадир грузчиков Иван Дудка с самого утра был не в духе. Не успел он с бригадой подойти к диспетчерской, как поругался с Курчинским из-за погрузчика.

— Вози на трехтонном сам!— кричал он, в сердцах размахивая крючком.— Шоб вин сказывся.

— Пойми, дурь-голова,— доказывал длинный, как оглобля, диспетчер,— пятитонных-то не хватает.

— А мне дюже надо!— кипятился Иван.— Вынь та подай два пятитонных. Хошь, шоб мы выппела не заробылы?

— Я их сам рожу, что ли! Бекетову подай, Дудке тоже. Ты целую неделю на больших работал. А кто на малых развозить будет? Забыли, как возили на конях. Заелись!

— Та не заельсь, хлопци план хочут дать, а на такой телеге не дюже разгонишься. Ей и на бунт не поднять. А в зарплату хрен с маслом получишь: подходные дернуть да за профсоюз вывернуть.

— Обеднял, родимый! По пятьсот огребает, все ему мало.

— Я горбом-то своим гамбалью,— не унимался бригадир, смягчая по-кубански букву «г».— Завидуешь, так иди потаскай: три гривенных тонна.

— Все гамбальят,— зашумели вокруг грузчики из других бригад,— и заработать всем хочется. Чем вы лучше?

— У него глотка луженая, всегда выдерет.

— Брось, Иван, на брехне больше потеряем,— успокаивал его Леха

Колесников, рубаха-парень.

— Замотришься находить!— оборвал его Дудка.— Защитник нашевся, шоб ты сказывся!

— Ну и шустряк, везде бы успел урвать!— уколол Ивана бригадир-Бекетов.

Иван забыл про диспетчера, сквозь толпу начал пробираться к Бекетову, который на прошлой неделе из-под самого носа увел у дудкинцев премию. Уж ему-то он скажет, найдет хорошее слово, чтоб всю жизнь помнил. Тем более, вчера Бекетов вывез на двадцать тонн больше: в «молнии» писали. А все из-за погрузчика. Видать, на радостях-то хорошо хряпнули с Курчинским, а то и до поросычьего визгу набрались. Знаем, сами грешны, случается с премии-то за воротник кинуть.

Все больше и больше встревало в спор грузчиков. Ссора принимала затяжной характер, могла кончиться неприятностью. Разгорячившихся мужиков мог осадить только директор, который не любит долго церемониться, да начальник цеха, но его не было сейчас, и диспетчер пошел к водителям погрузчиков, начал одного за другим отправлять под погрузку.

— Сушать мозги! — возмутился Дудка дорогой.— Заживо режут, скаженные.

— Чего ты, Степаныч, развыступался, как базарная баба,— «хлопци план хочут дать!»— передразнил его Леха Колесников, поддудкински взмахивая крючком.— План-то мы и так дадим...

— Наверстаем, конечно, — подбадривают ребята, — не впервой вымпелы брать.

Но Иван их голосов словно не слышал. Грузный и лысый, он походил сейчас на старого, общипанного в драках петуха. В эту минуту он ненавидел весь свет, но здоровяка Леху, любимца бригады и остряка, ненавидел в три раза больше.

— Сам ты базарная баба, сам фраер, понял! — завелся он с пол-оборота. Его губы изломались в неистовом гневе, разбрасывая изжованную от злости слюну.

— Ты меня на «понял» не бери, я за «понял» знаешь...

— Да бросьте вы, на самом-то деле, дети, что ли, — успокаивали их.

— А якого он биса, активист найшевся! Из бригады-то живо смотаешь, шоб ты сказывся...

— Нештяк, бугор, мы волки пуганые, — сквозь зубы процедил Колесников.

Они разделились на две группы: четверо во главе с Дудкой остались наваливать кипы на транспортеры, остальные пошли раскладывать в складские бунты.

— Раскладывайте получше, — бросил им вслед бригадир, хотя знал: Леху учить не надо, — шоб бунты не завалились.

Сезон приема шерсти на фабрике в самом разгаре. Машины с шерстью от проходной тянутся до кубанского моста, оттуда их линия под крутым углом ломается назад, ползет вдоль железной дороги до самого переезда. Покрытыми брезентом грузовиками запружены соседние улочки, забиты свободные места под акациями, загорожена половина асфальтовой трассы, что убегает далеко в горы. По этой же трассе они подходят одна за другой со всего края, торопятся из Калмыкии, Астрахани, Дагестана. После затяжных весенних дождей их наплыв не спадает весь июнь, хотя к концу месяца заметно поубавится.

Не первая зима, да не хватает людей в трехтысячном коллективе. Не

таскают нынче кипы на плечах — разгрузка механизирована, да почти вдвое меньше осталось грузчиков, а с других-то предприятий не подкинули помощи. Уж лет пятнадцать не возят на лошадях, только и погрузчиками своими не в раз обойдешься: их и сорока не наберется.

После дневной смены выходят на помощь сырьевщикам рабочие других цехов, частенько и начальники отделов во главе с директором фабрики Князевым. Федор Ильич одевает робу, подпоясывается кушаком из мешковины, в плечах разлет — дяденька, достань воробушка. Эх, все б грузчики такими были! Идет сам Князев, только за два горячих месяца не десяток тонн, а пятьдесят с лишним тысяч принять да развезти надо, укрыть брезентом, коль в складах места не хватает, расклассировать да промыть на качество образцы. Про моечные цеха и говорить не приходится: круглый год в три смены натужаться. Грязи-то на ней, чертяке, половина, а то и поболее. Да жиру сколько, хотя из жиру-то ланолин гонят, за границу прут — золото! Кругом золото — руно, ланолин, люди на его же вес ценятся. Тяжела работа, ах тяжела! В кипе шерсти не пуд, бери больше — шесть, а то и до десятка проскочит, будто резиновая. Руби топором — в лоб обухом поцелует. Здорово зарабатывают бывалые грузчики, до пяти—шести сот получают.

Получают — точно, а кому не дают? Иди получи. Тонна-то, хоть на плечах носи, хоть катай, — тридцать две копейки стоит. Тяжела ты, шерсть-матушка, тяжела! Нелегки вы, руны золотые, ох нелегки! А Дудке на развозку два стареньких погрузчика подсунули, и то один-то трехтонный. Плюнь на него — не подымет, а двадцать кип в жизни не взять: запрыгает передком, забрыкается, словно конь необъезженный. «Верно, с премии замочили бекетовцы с Курчинским, — думает Дудка, — хотя знает, что не пьет тот, хворый. — Третий день на пятитонках шпарят». Бригадиру обидно за себя, свою бригаду. Кто-кто, а

Бекетов потеснить сможет: на показательной доске дюже впритирку прет. Тогда премиальные-то тью-тью. А это целая сотняга. Вот и на прошлой промухали.

Иван не помнит, как три недели подряд расписывался за премиальные.

— Стимул, хлопцы, стимул,— довольный, объяснял грузчикам из других бригад.— Дудка битый хлопец, та и робыть может.

Дудка работать мастак. Каждый сезон рекорды бьет, как десять лет назад, когда о механизации и мысли не было. Что она, человек, что ли? На горбу-то надежней. Бывало, тонн четыреста на восьмерых хряпнешь из вагонов, даже не пикнешь. Галопом под кипой мчишь. И денег мешок. Деньги-то старые крупными были, большими. «Нет, як ни кажи, а механизация, чертяка, подкузьмила Дудку»,— злится, никак не придет в себя бригадир.

— Зойка!— кричит шерстоведу.— Шо ты нас малэнькими партиями шпигуешь? Без рубахи бегаем с миста на мисто, як цуциня, а навару нема. Давай здорови, тонн на двести, шоб в один склад переть. Наберуть малохольных...

Не везет Ивану, ах как не везет: и погрузчик не тот, и партии малы. Мечется по площадке бригадир, а тут еще транспортер заело. Вот тебе и механизация, шоб ты сказылась. Все выдумки князевские. А Леха-то, Леха совсем работать не хочет, будто не правой рукой приходится бугру. Да и склады нынче у семи чертей, через всю фабрику к ним шпарить надо. А жара, что и говорить! Без майки невтерпеж. Газавтоматы почти все закрыты: «Берегись холеры». Нашли чем пугать, холера-то сама, как от чумного бежит! Сейчас бы газировочки, да с солью, с солью. Нет, не сходишь. Не успеешь отправить погрузчик — другой летит. Леха-то разошелся, небось, бунты шалаяй-валяй укладывает. Загубит хлопцев: в складах жарыща, не продувает.

«Понял!» Бугра тоже на «понял» не бери: не пролезет. Вот и выгони из бригады, когда сам бригадир на

сквозняке задыхается! Самому впору сбежать. Хотя бы стаканчик выпить с солью, потом не захочешь. — Здравствуйте. Жмешь, Иван? Молодец! Подналегли хорошо: пошло на убыль.

Кого принесло, директора, что ли? Он, Князев. Видал, брючки отутюжены, рубашечка нейлоновая. Ходит, улыбается. В кабинете небось прохлада. И чего от зари до зари по фабрике шастает? Сиди там, командуй: чего проще?

— Ничего, ребята, хотя дожди и подвели малость, нынче раньше закончим. Механизация выручит.

Языком-то хорошо кончать, а на сезон грузчиков половину набрал. Механизация! Сроду такого и в глаза не видели на шерстомойке. Разве что во сне причудится?

— Автоматы закрыли, аж в груди пече, Федор Ильич. Усе бедняем, а шерсти на полтора миллиона у сутки моем.

— Санэпидстанция подсидела, Иван. Вода не везде очищена. Скоро трассы от станции осветления проведем. Сейчас сюда бочку квасу подвезут. Холодного!

«Квасу»! Эх, да чего там. Все против Дудки, даже директор, который сам по вечерам за крючок берется. Сноровка есть, а походка благородная, уверенная, будто король. Король и есть.

— Строй не строй свои механизмы, а без нас, грузчиков, не обойтись.

— Подожди годик-два: оператор станешь называться. За пульт сядешь, на кнопки. Или тебе по-дедовски на горбу удобней таскать?

— Чего уж тут удобного-то. Сказанул тоже — смех один.

Король и есть. Не только грузчиков осадит, сортировщиц успокоить может. А с этими сладить не так-то просто. Легче в бисовской преисподне порядок водворить, чем унять эту ораву.

— Васька! — кричит он шоферу.— Кажи Лехе, обидать пора. А то, чую, уси гроши заграбастать хочет.

В столовую не пошли, обедали у

летнего буфета, примостившись под брезентовым тентом у длинных крашенных столов. Развязывали авоськи, выкладывали сало, огурцы, хлеб. Иные брали в буфете борщ, котлеты с гречкой или остывшими макаронами.

А цих котлет десятка пилтора надо, шоб кендюх набить. Сами-то торгаша, гля, кормозапарники отылы. Не-е, лучше шмат сала, такой, як шуфельна лопата, тадысь молодым жеребчиком заржешь,— мимоходом, под смешки окружающих, бросает Иван, отрезая от куска шириной не меньше столешной доски длинные шматки, отправляет их в рот, сдабривая дольками резко пахнущего чеснока.

Вид у него все еще недовольный, строгий. В момент жевков загорелая лысина Дудки то и дело качается от лба к затылку и обратно. Челюсти напряжены, кажется, вот-вот затрещит за ушами.

Затаив злобу, бригадир косится на Леху. Тот тоже ест с удовольствием, уписывая кральку колбасы, запивает из бутылки кефиром. Его мышцы под усеянной татуировкой кожей слегка вздрагивают, будто все еще находятся в работе, и кажется, что коты, выколотые вокруг грудных сосков, крадутся навстречу друг другу и шевелят усами.

— Вы там хоть гарно раскладаете?— не глядя спросил бригадир.— Бунты не завалятся?

— А то не знаешь, как раскладываем. Иди проверь.

Знаешь не знаешь! И спросить старшому нельзя. Не признают ни бога, ни беса. Ученые стали. Небось когда с работой туго было, как шелковые ходили. Теперь чуть что, в слесари подадутся. Вожжу приструнить треба.

Ну, когда же кончится этот злой, ералашный день!

— Тьфу ты!— плюется Дудка.

— Что, Иван, осу проглотил, что ли?— смеется Бекетов.

— Их величество не в духе.

— Из-под носа увели. Увели из-под носа погрузчик-то,— смеются бекетовцы.

— Ржете, жеребцы. Нештяк, по-

смотрим, кто кого, — беззлобно огрызается Колесников.

— Защитник нашелся!..

— Не успели в люди выйти, а уже бахвалитесь, — отмахиваются дудкинцы.

— Не дюже б задавались, та Курчинскому пидмазали.

— Ты чего болтаешь, дурь-голова! Хочешь, чтоб я в фабком пожаловался?

Перепалка еще бы долго продолжалась, но в это время из-за классировки один за другим подходили мальчики — духовики фабричного Дома пионеров. Они сели на свободные скамейки, о чем-то посоветовались с руководителем — бойким седым стариком Перовым, попробовали трубы и вдруг «ударили» «Егерский» марш. Звуки музыки, слаженные и мощные, понеслись по затененным пирамидальным тополям, фабричным проездам, вырывались из-за складов и спешили дальше, за пределы сырьевого.

Подходили группками и классировщицы, грузчики, шерстоведа.

— Гля, таки малэньки, а дують дюже,— удивляется Иван.

— Подвинься, чего расселся,— теснят женщины бригадира,— не у тещи в гостях.

— Сидайте, дамочки. Сидай блишче, Мария. Дывись, як весело у нас! А учера пысаки булы. Гарно об своих книжках гутарылы. Не забывают рабочий класс.— Иван забыл про обед, сидит с раскрытым ртом, приговаривая одними губами:—Ту-рум-тум, тум, тум, турум-тум, ту-ту-у-ум,— притопывая в такт ногой.

— Молодцы хлопцы, развлекають!

А мальчишки, красные от натуги, уже шпарят вальсы под звон барабанной тарелки. Некоторые из них, особенно трубачи, часто отдыхают, потом по легкому мановению руки старика Перова тянут губы к мундштукам, и высокие звуки труб отчетливо вливаются в общий ансамбль. У Перова лицо отрешенное, озаренное таинственным внутренним светом. Он слегка покачивает головой, водит руками, как чародей, делает какие-

то непонятные несведущим людям знаки.

— Слышь, бугор, до обеда-то тонн сто двадцать кинули. Бекетову далеко до нас.

— Тише ты, дай послушать. Прицепился со своими тоннами! Скико вывезли — уси наши.—Он вдруг увидел себя солдатом, гордо вышагивающим по площади большого рода в торжественные дни праздников. Демобилизованным, строгим, подтянутым парнем-балагуром, когда приходил на фабричную танцплощадку, кружился под эти же вальсы с девушками, Марией, сидящей рядом и постаревшей, как и он. Иван даже провожал ее несколько раз, болтал прибаутки, смешил девчонку до слез. Где это время? Что съело его — годы, семья, работа... А может, директор прав, ведь стало намного легче, и будет легче еще, коль встанут на помощь железные плечи транспортеров? А деньги: пойдешь заработай их все! Да и денег-то намного ли больше, на сотню?! Но ради денег ли эта спешка и каждодневная суета?

«За пульт сядешь, на кнопки». Какие же нужны кнопки для заскорузлых пальцев Ивана Дудки? Нет, им с руки лишь крючок, он надежней, и спокойнее с ним — как пить дать. Скажет же: «Кнопки»! Чудак. Король и есть.

Его лицо вытягивается в наивной улыбке, подбородок ползет вниз, никак не может переключить свои думки на другое Иван Дудка. Даже развеселился, утирая пятерней лицо.

Мальчишки не успели собрать инструменты, как появились пионерки. Их худрук, дородная молодница с высокой прической, похожей на крученый купол древнего новгородского терема, встала к тентовой стойке, скользнула пальцами по клавишам баяна, и девочка с неформившимся голосом затянула украинскую песню:

Мисяц на ни-ибе...

Ее слабый голос срывался, она меняла тональности, старалась изо всех сил, и баянистка ей помогала как могла.

С каждым срывом у Дудки менялось выражение лица, он остро

переживал и тоже еле слышно тянул: «Очи, вы, очи, очи дивочьи».

— И, наконец, краковяк! — громко объявила художественный руководитель.

Танцевали девочки лет четырнадцати. Их ноги взбивали легкую пыль, цеплялись за камушки, но они делали изящные движения, резко били каблучками, будто находились на большом балу в высокосветском обществе.

— Оцэ дають, во дають, а, Леха! Гля, гля...— он подтыкает Колесникова локтем, покачивает плечами, головой, бьет в ладоши.— Русский, немец и поляк танцевали краковяк...

Уже осела поднятая ногами пыль, нырнули в зелень сирени артисты, а Дудка все сидел, все качался и пел.